

Любовь

НА ЧУЖОЙ
СВАДЬБЕ

Алена Плотникова

Любовь на чужой свадьбе

«Автор»

2026

Плотникова А.

Любовь на чужой свадьбе / А. Плотникова — «Автор», 2026

Марина — успешный свадебный организатор, привыкшая держать под контролем каждую деталь чужого счастья: от рассадки гостей до первого танца. Её девиз прост — никаких личных чувств к клиентам. Но когда в её офис врывается Дмитрий, спокойный сын невесты, который организует скорую свадьбу матери, все правила летят к чёрту. Их первая встреча обычный деловой разговор, но с каждой следующей — с примерками платьев, дегустациями тортов и спасением праздника от катастроф — между ними растёт напряжение совсем другого рода. Марина должна выбрать: организовать свадьбу мечты для чужой семьи или разобраться в собственных чувствах, которые никак не укладываются в рабочий график. Тёплая, живая история о том, что любовь порой начинается там, где меньше всего её ждёшь — среди суеты, конфетти и предсвадебного хаоса.

© Плотникова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16

Алена Плотникова

Любовь на чужой свадьбе

Глава 1

Я привыкла, что в мой кабинет приходят влюблённые пары. В этот вторник вместо пары пришёл один мужчина — и попросил организовать свадьбу не для себя.

Я различала клиентов по обуви ещё до того, как они успевали сесть.

Кроссовки с потёртым носком — это жених, которого притащили силой, и он будет полтора часа смотреть в телефон, пока невеста выбирает между «пудровым» и «пыльно-розовым». Лодочки на каблуке, слишком новые для буднего дня, — невеста, которая готовилась к этой встрече три дня и уже придумала хэштег для свадьбы. Сникерсы лимитированной модели — жених, у которого больше мнения по поводу рассадки гостей, чем у невесты, и с этим тоже можно работать, просто иначе.

В половине третьего в четверг в переговорную студии «Идеальный день» вошли ботинки. Обычные, коричневые, дорогие, но не кричащие об этом — как будто их владелец купил их один раз пять лет назад и с тех пор не вспоминал, что вообще носит обувь.

Я подняла взгляд. Мужчина был один, машинально прикинула сценарий: развод, надо разделить организацию с бывшей женой, кто-то из них платит, кто-то злится. Или вдовец. Или — реже — жених, чья невеста застряла в пробке, а он приехал заранее, потому что паркуется лучше, чем ведёт разговоры о цветах.

— Дмитрий, — представился он и протянул руку. Рукопожатие было нормальным, не тем звериным «сейчас покажу, кто здесь главный», которым грешили некоторые женихи, приходившие компенсировать неуверенность в вопросах выбора скатертей. — Волков.

— Марина Ковалёва. Присаживайтесь. — Я кивнула на кресло напротив и открыла новый файл в планшете, привычным жестом, за которым скрывалось лёгкое, профессиональное недоумение. — Ваша невеста подъедет позже?

— У меня нет невесты.

Я отложила стилус. Не потому что удивилась — удивить меня было сложно после восьми лет в этом бизнесе, — а потому что жест помогал выиграть три секунды и понять, шутит человек или нет.

Дмитрий не шутил. Он выглядел как человек, который вообще редко шутит на встречах, где решаются практические вопросы, и прибегает к иронии для менее официальных случаев.

— Тогда вы, наверное, ошиблись переговоркой, — сказала я ровно. — У нас тут свадебное агентство. Если вам нужен корпоратив, это отдел через стену, у них ресепшен с логотипом самолётка.

— Мне нужна свадьба. — Он не улыбнулся моей шутке, но и не разозлился, что я невольно засчитала ему в плюс. — Просто не моя.

— А чья?

— Моей мамы.

Я помолчала, взвешивая варианты. За восемь лет работы ко мне уже приходили с самыми разными версиями «нестандартного заказа»: с просьбой организовать свадьбу за одиннадцать дней, потому что жених улетает на вахту; с просьбой сделать всё, «чтобы бывшая жена от зависти скисла»; один раз — с просьбой устроить свадьбу собаке владелицы, что я вежливо, но твёрдо переадресовала в зоопарк контактов, специализирующийся на подобных мероприятиях. Но заказчик, планирующий свадьбу для родителя, который сам ещё не сделал предложение, был новым видом клиента.

— Ваша мама выходит замуж? — Уточнила я.

— Да. В сентябре. Восемь месяцев планировали помолвку в тайне от меня, представляете. — В его голосе впервые прорезалось что-то похожее на тепло, спрятанное за деловым тоном. — Я узнал две недели назад. Позвонила и сказала: «Дима, у меня новость, только не падай», — как будто мне пять лет и я всё ещё падаю от новостей.

— И как, упали?

— Чуть не выронил телефон в раковину с посудой. Но не упал. — Он чуть двинул плечом, словно сбрасывая напряжение. — Она четыре раза за разговор извинилась. За то, что решила выйти замуж в пятьдесят девять лет. Как будто это преступление.

Я внутренне отметила эту деталь и отложила её отдельно — не в раздел «логистика», а туда, куда обычно складывала вещи, которые меня не касались профессионально, но почему-то застревали в памяти.

— Хорошо, — сказала я вслух. — Расскажите подробнее. Кто невеста, кто жених, какая дата, какой бюджет, сколько гостей. Стандартный набор вопросов, только мысленно замените «невеста» на «ваша мама», и мы разберёмся.

— Невеста — Валентина Игоревна Волкова. Моя мама. Жених — Сергей Николаевич. Они познакомились ещё в школе, потом жизнь развела на сорок лет, а в прошлом году она поехала на встречу выпускников и вернулась другим человеком.

— Романтично, — сказала я без особого выражения. Не потому, что хотела быть колючей, а потому что была ею по умолчанию с людьми, которые ожидали от меня умильной реакции на истории про сорок лет разлуки. За годы работы я слышала десятки таких историй, и большинство заканчивались либо разводом в течение трёх лет, либо очень скучным, но добротным браком, что, по-моему опыту, тоже было не худшим исходом.

Дмитрий посмотрел на меня чуть внимательнее, будто заметил в моем тоне нечто, требующее уточнения, но решил пока не уточнять.

— Бюджет — гибкий, в разумных пределах, — продолжил он. — Гости человек шестьдесят-семьдесят. Дата — двадцатого сентября, суббота. Насчёт стиля мама сказала «что-нибудь красивое», что, как я понимаю, ничего не значит для профессионала.

— Это значит примерно всё и одновременно ничего, — согласилась я. — Вы будете присутствовать на всех встречах, или это разовая консультация, а дальше передадите бразды маме?

— Мама наотрез отказывается заниматься организацией. Говорит, что если будет выбирать сама, то испугается размаха и передумает вообще всё, кроме росписи в загсе и пирога дома. — Он чуть заметно усмехнулся, впервые за встречу. — А я хочу, чтобы у неё была нормальная свадьба. Не пирог дома. Она тридцать лет прожила для других — для меня, для отца, пока он был жив, потом одна тянула быт после его смерти. Я хочу, чтобы хоть один день в её жизни был полностью про неё.

Я отметила, как естественно и без пафоса это прозвучало — без придыхания, без «я хочу подарить ей сказку», которым обычно грешили женихи, желающие произвести впечатление на невесту через организатора. Дмитрий говорил так, будто формулировал техническое задание, но за техническим заданием ощущалась настоящая забота, не выставленная напоказ.

— Значит, вы — заказчик и связующее звено, — резюмировала я. — Будете присутствовать на встречах, принимать решения, которые мама не готова принимать сама, но при этом стараться, чтобы итоговый результат отражал её вкус, а не ваш.

— Именно.

— Тогда предупреждаю сразу, — сказала я, и вот тут прозвучало то, что я обычно прибегала для клиентов, которые мне нравились чуть больше среднего, потому что не боялись честного разговора. — Я хороший организатор. Я умею делать красиво, умею укладываться в бюджет, умею разруливать конфликты между тещами и невестками так, что комар носа не подточит. Но я не продаю сказку. Я не верю в любовь, как в кино, где два человека встречаются

глазами через комнату и дальше всё решено навсегда. Я верю в логистику, договор с площадкой и хорошо составленный тайминг. Если вам нужен человек, который будет рассказывать вам про магию момента, вам, возможно, стоит поискать другое агентство.

Я сказала это спокойно, без вызова — просто как факт о своей профессии, который считала честным сообщить до подписания договора. Некоторые клиенты на этом месте вставали и уходили, и я их не винила: у каждого организатора своя философия, и не всем подходит моя версия без розовых очков.

Дмитрий слушал внимательно, не перебивая, а когда я закончила, кивнул.

— Меня это устраивает, — сказал он. — Мне не нужна магия. Мне нужно, чтобы всё было сделано хорошо и вовремя, а магию, если она где-то есть, пусть мама с Сергеем Николаевичем находят сами. Моя задача — фон. Ваша задача — сделать этот фон достойным.

— Прагматичный подход, — заметила я, и в моем голосе прозвучало нечто похожее на одобрение. — Обычно люди, которые приходят организовывать свадьбу, ждут от меня противоположного — чтобы я убедила их, что без определённого цвета салфеток брак обречён.

— Я архитектор, — сказал он, как будто это всё объясняло. — Я не верю в вещи, которые нельзя измерить рулеткой. Но я верю, что правильно спроектированное пространство меняет то, как люди себя в нём чувствуют. Наверное, со свадьбой то же самое.

Я посмотрела на него чуть дольше, чем требовалось для делового разговора, отмечая эту фразу как неожиданно точную для человека, который так настойчиво дистанцировался от «магии момента».

— Хорошо, — сказала я и наконец улыбнулась, впервые за встречу — не дежурной клиентской улыбкой, а той, что появлялась у меня, когда попадался интересный проект. — Тогда начнём с рулетки. Расскажите мне про вашу маму. Не про свадьбу — про неё саму. Какая она, что любит, чего боится. Мне нужно спроектировать день для конкретного человека, а не для абстрактной невесты из каталога.

Дмитрий на мгновение задумался — не потому, что не знал ответа, а, кажется, потому, что никто раньше не задавал ему этот вопрос именно в такой форме.

— Она боится быть обузой, — сказал он наконец. — Даже сейчас, когда наконец счастлива, первая её реакция на хорошую новость — извиниться, что причиняет кому-то неудобство. Ей нравятся простые вещи. Она тридцать лет печёт один и тот же пирог с яблоками на каждый праздник и говорит, что это не потому, что не умеет ничего другого, а потому что «зачем менять то, что и так хорошо».

Я машинально записала в планшете: «Пирог с яблоками. Простота как ценность, не как ограничение».

— Уже неплохо для начала, — сказала я. — Значит, следующая встреча — с вашей мамой и Сергеем Николаевичем, если он готов участвовать. Мне нужно увидеть их вместе, чтобы понять, что мы вообще проектируем.

— Он готов на всё, что скажет мама, — ответил Дмитрий. — По-моему, он до сих пор не до конца верит, что это происходит на самом деле.

— Тогда у нас с ним будет что-то общее, — сказала я, не подумав, и тут же удивилась собственной реплике — обычно я не позволяла себе такой откровенности с новыми клиентами.

Дмитрий, кажется, тоже это заметил, но воздержался от комментария — только чуть приподнял бровь, как архитектор, обнаруживший в проекте деталь, требующую дальнейшего изучения.

— На следующей неделе, — сказал он вместо этого. — Я пришлю варианты времени.

Когда за ним закрылась дверь, я ещё несколько минут сидела за столом, глядя на пустое кресло напротив. Обычно после встречи с клиентами у меня в голове уже выстраивался план — площадки, поставщики, примерная смета. Сейчас в голове была только одна фраза, сказанная человеком, который пришёл организовывать не свою свадьбу.

«Я хочу, чтобы хоть один день в её жизни был полностью про неё».

Я покачала головой, будто отгоняя муху, и открыла календарь, чтобы найти окно для следующей встречи. Это была просто хорошая клиентская история. Ничего больше. У меня таких историй — на две книги хватит, и ровно ни одна из них не изменила моё мнения насчёт того, что любовь — это, по большей части, качественный маркетинг, обёрнутый в фотографии с закатом.

Но фраза почему-то не уходила.

Глава 2

Кофейня, которую выбрал Дмитрий для второй встречи, находилась в пяти минутах от дома его мамы — деталь, которую я отметила как показательную: он думал в первую очередь об удобстве Валентины Игоревны, а не о том, где красивее сделать фото для сторис агентства.

Я пришла на десять минут раньше — привычка, которая помогала мне увидеть клиентов до того, как они наденут «встречное лицо» специально для организатора. У окна уже сидела пара: невысокая женщина в бежевом кардигане, аккуратно уложенные седые волосы, и рядом с ней мужчина в клетчатой рубашке, который держал её руку на столе так, будто боялся, что она исчезнет, если отпустить.

Я остановилась в паре шагов, наблюдая незамеченной ещё несколько секунд. Валентина Игоревна что-то говорила, смеясь одними глазами, а Сергей Николаевич смотрел на неё с выражением, которое я видела разве что у молодожёнов в первые полгода — до того, как быт, ипотека и разница во взглядах на воспитание детей возвращали лица к нормальному, усталому человеческому состоянию.

«Сорок лет», — подумала я. И вот эти двое умудрились сохранить это выражение через четыре десятилетия разлуки. Профессиональный скепсис подсказывал: подождите полгода, и это выражение сменится обсуждением, кто не убрал посуду. Что-то другое, менее профессиональное и более раздражающее в своей неуместности, подсказывало иное.

— Марина! — Дмитрий заметил меня первым и поднялся навстречу. Сегодня на нём была не деловая рубашка, а обычный свитер, и это тоже было показательным: он приехал не на встречу совета директоров, а к маме на важный разговор.

— Здравствуйте. — Я подошла к столу и слегка наклонила голову к Валентине Игоревне. — Валентина Игоревна, Сергей Николаевич, очень приятно.

— Ой, боже, вы такая молодая, — сказала Валентина Игоревна вместо приветствия, и в её голосе прозвучало нечто среднее между комплиментом и тревогой. — Дима говорил, что вы делаете самые красивые свадьбы в городе, и я представляла себе какую-то грозную даму с папкой документов.

— Папка у меня тоже есть, — сказала я, садясь. — Просто она в планшете. Сергей Николаевич засмеялся — открыто, по-мальчишески, что странно смотрелось на лице мужчины за шестьдесят, но почему-то ему шло.

— Валя, я же говорил тебе, что сейчас всё в телефонах, — сказал он с той теплотой, с которой люди подшучивают над самыми близкими. — Ты у меня немного из прошлого века.

— Из прошлого века у нас с тобой всё, Серёжа, включая нашу историю, — ответила Валентина Игоревна, и оба рассмеялись так, будто это была старая, любимая шутка, хотя, судя по всему, они познакомились заново меньше года назад.

Я достала планшет из сумки — но не сразу начала записывать, а сначала просто посмотрела на них обоих, пытаюсь понять, с чем имеет дело. За годы работы я смогла выработать внутреннюю систему, по которой распределяла пары на архетипы: перфекционисты, которым важна каждая деталь; равнодушные, которым важен только результат; конфликтные, где организатору достаётся роль дипломата. Валентина Игоревна и Сергей Николаевич не подходили ни под один архетип. Они выглядели так, будто сама свадьба была для них наименее важной частью происходящего — важным было то, что они снова вместе, а остальное было приятным, но не принципиальным довеском.

— Расскажите мне вашу историю, — попросила я. — Не для протокола. Просто хочу понять, кого я одеваю в белое.

Валентина Игоревна и Сергей Николаевич переглянулись — коротко, тем взглядом, которым обмениваются люди, давно решившие, кто из них будет рассказывать.

— Мы учились в одном классе, — начал Сергей Николаевич. — С седьмого по десятый. Я был влюблён в неё с восьмого класса и так и не набрался смелости сказать. Она была отличницей, я — тем, кто списывал у отличниц.

— Неправда, — вставила Валентина Игоревна. — Ты был лучшим в классе по физике. Просто списывал у меня сочинения.

— Значит, был влюблён избирательно, — согласился Сергей Николаевич под общий смех. — После школы разъехались — я поступил в другом городе, она осталась здесь. Переписывались первый год, потом реже, потом перестали. У неё появился Виктор Александрович, — он кивнул на Дмитрия, — у меня своя семья. Жизнь как жизнь.

Я заметила, как на слове «Виктор Александрович» Дмитрий чуть напрягся — не демонстративно, просто на долю секунды сжались плечи, — и мысленно отметила это как деталь, требующую осторожности. Отец. Значит, отец Дмитрия умер, и в разговоре об этом нужна деликатность.

— Сорок лет спустя, — продолжила Валентина Игоревна, беря инициативу, — наш класс решил собраться на юбилей выпуска. Я вообще не хотела ехать. Дима меня уговорил.

— Я не уговаривал, я сказал, что отвезу и заберу, если она стесняется ехать одна, — уточнил Дмитрий, и я отметила про себя, что он старается держаться на периферии этой истории, хотя явно был в ней не последним действующим лицом.

— В общем, приехала. И там был Серёжа. Уже без волос, — Валентина Игоревна легонько потрепала жениха по макушке, — но с той же улыбкой, что в десятом классе. Мы весь вечер просидели в углу и разговаривали, как будто и не было сорока лет. Оказалось, он тоже овдовел четыре года назад. Оказалось, мы оба живём одни. Оказалось...

Она замолчала, и в её глазах я увидела что-то настолько неприкрыто уязвимое, что на секунду ей стало неловко за собственную привычку раскладывать клиентов по архетипам.

— Оказалось, что можно начать заново, — закончил за неё Сергей Николаевич тихо. — Даже если тебе шестьдесят один и ты был уверен, что вся эта часть жизни уже закончилась.

За столом на несколько секунд повисла тишина — не неловкая, а та, что бывает, когда сказано что-то настоящее и никому не хочется портить момент лишним словом.

Я первой нарушила молчание — профессиональным, но неожиданно мягким тоном:

— Спасибо, что рассказали. Теперь я, кажется, понимаю, что мы делаем не просто свадьбу. Мы делаем день, в который двум людям, которые сорок лет прожили без друг друга, наконец не нужно будет ничего додумывать.

Валентина Игоревна посмотрела на неё с благодарностью, и я, впервые за долгое время, почувствовала лёгкий укол чего-то похожего на смущение — она произнесла эту фразу искренне, не как маркетинговый ход.

— Хорошо, — сказала я, возвращаясь к деловому тону, потому что деловой тон был безопаснее. — Тогда к практике. Валентина Игоревна, какая свадьба вам представляется? Не думайте про бюджет, не думайте про то, что «неудобно» кого-то напрягать. Просто — какая картинка у вас в голове, когда вы думаете про этот день?

Валентина Игоревна задумалась, машинально сжимая в руках салфетку.

— Я не хочу пышности, — сказала она наконец. — Не хочу, чтобы все смотрели и думали: «Ну надо же, старики решили устроить себе Голливуд». Я хочу что-то тёплое. Чтобы было ощущение дома, даже если это не дом. Чтобы можно было обнять каждого гостя, а не махать им рукой издали со сцены.

— Значит, не банкетный зал на двести человек, — сказала я, делая пометку.

— Господи, нет, — вздрогнула Валентина Игоревна. — У меня будет шестьдесят близких людей. Хочу, чтобы можно было с каждым поговорить, а не просто отметить в списке приглашённых.

— А цветы? — спросила я, кладя планшет чуть в сторону, будто разговор перешёл в более личную плоскость. — Есть ли что-то особенное — цветок, с которым связано воспоминание?

Валентина Игоревна улыбнулась, посмотрела на Сергея Николаевича.

— Ландыши, — сказала она. — Серёжа дарил мне ландыши в десятом классе. Каждую весну приносил букетик, завернутый в газету, потому что на цветочную бумагу у школьника денег не было.

— Ландыши цветут в мае, — заметил Сергей Николаевич с лёгкой досадой. — А свадьба в сентябре.

— Значит, будем выкручиваться, — сказала я, и в моем голосе прозвучало нечто похожее на азарт, который я обычно испытывала не от логистических задач, а от чего-то более личного, что редко признавала вслух. — Есть способы. Оранжерейные поставки, определённые сорта. Я поговорю с флористом, у меня есть человек, который творит чудеса даже вне сезона.

— Правда? — Валентина Игоревна посмотрела на меня с почти детской надеждой, и я в очередной раз поймала себя на том, что веду себя с этой парой иначе, чем с обычными клиентами — мягче, внимательнее, с меньшим количеством дежурных фраз из методички.

— Правда, — подтвердила я. — Это моя работа — превращать невозможное в логистическую задачу.

Дмитрий, до этого момента больше слушавший, чем говоривший, вдруг посмотрел на меня с интересом, будто отметил несоответствие: пятнадцать минут назад эта женщина заявляла, что не верит в магию, а сейчас обещала его маме цветы не в сезон с интонацией человека, творящего чудеса.

— Похоже на магию, — заметил он вполголоса, когда Валентина Игоревна отвлеклась, поправляя шарф Сергея Николаевича.

— Это логистика, которая выглядит как магия для тех, кто не видел счёт за оранжерейную доставку, — ответила я, не поднимая взгляда от планшета, но уголок моих губ неожиданно дрогнул.

— Понял, — сказал Дмитрий. — Буду знать, что за каждым чудом стоит счёт.

— За каждым чудом стоит счёт, — подтвердила я. — Это первое правило моей профессии.

Он на секунду задержал на мне взгляд — не флиртующий, а изучающий, как будто пытался понять, насколько я сама верю в то, что говорю. Я отвела глаза первой и вернулась к списку вопросов, чувствуя лёгкое, необъяснимое раздражение на саму себя за то, что вообще заметила этот взгляд.

К концу встречи у меня в планшете было записано достаточно, чтобы начать работу: дата, примерный бюджет, список из шестидесяти двух гостей, пожелание про ландыши, пирог с яблоками как обязательный элемент десертного стола наравне с тортом, и — отдельным пунктом, который я обычно не записывала для клиентов, но здесь почувствовала, что это важно, — пометка: «Никакой пышности. Тепло важнее эффектности».

Прощаясь, Валентина Игоревна неожиданно взяла меня за руку двумя ладонями.

— Спасибо, что согласились на такой странный заказ, — сказала она. — Наверное, вам привычнее молодые невесты с их идеальными фигурами и списками пожеланий на пятнадцать страниц.

— Валентина Игоревна, — сказала я серьёзно, — из всех заказов, что у меня были, ваш — первый, где невеста не просила подобрать платье «чтобы скрыть руки». Для меня это уже прогресс.

Валентина Игоревна засмеялась, и в этом смехе было столько лёгкости, что я, идя к машине, поймала себя на странном ощущении — впервые за долгое время мне действительно хотелось, чтобы конкретная свадьба получилась хорошо. Не потому что это репутация агент-

ства. А потому что эти два человека, кажется, заслужили свой день больше, чем кто бы то ни было из клиентов за последние восемь лет.

Я села в машину, но не сразу завела двигатель. В зеркале заднего вида было видно, как Дмитрий провожает мать и Сергея Николаевича к их машине — заботливо, придерживая маму под локоть на скользком асфальте, хотя асфальт был сухим.

«Он делает это на автомате, — подумала я. — Заботится, даже когда не нужно».

Я отогнала эту мысль так же, как отгоняла все мысли о клиентах, не относящиеся напрямую к организации мероприятия, и завела машину.

Глава 3

Глава 3. Идеальный день

Студия «Идеальный день» занимала третий этаж бывшего текстильного цеха, переоборудованного под лофты для творческих индустрий. Я выбрала это помещение пять лет назад — тогда, когда агентство только начинало приносить достаточно денег, чтобы съехать из съёмного офиса над шаурмечной, — именно за высокие потолки и окна, в которые даже зимой попадало достаточно света для нормальных фотографий образцов декора.

На стене за моим столом висела рамка с первой свадьбой, которую я организовала полностью самостоятельно, ещё будучи ассистенткой в другом агентстве, — снимок с двадцатью гостями в загородном доме, скромный, почти домашний. Рамка висела там не из ностальгии, а как напоминание: с чего всё начиналось, прежде чем стало сеткой договоров с поставщиками, штатом из шести человек и очередью клиентов на восемь месяцев вперёд.

— Ну как, — спросила Лена, моя ассистентка, заглядывая в кабинет с двумя стаканчиками кофе, один из которых поставила передо мной без вопроса, потому что за три года совместной работы выучила все мои привычки, включая ту, что после эмоционально насыщенной встречи мне нужен кофе покрепче, — как тебе клиент без невесты?

— Заказ интересный, — сказала я, забирая стаканчик. — Свадьба для мамы клиента. Шестьдесят гостей, бюджет комфортный, невеста и жених — очень настоящие люди.

— «Очень настоящие люди» — это твой профессиональный термин или что?

— Это значит, что я поймала себя на желании, чтобы у них всё получилось, а не просто отработать заказ, — призналась я, сама удивляясь, насколько легко это сорвалось с языка.

Лена присвистнула и опустила в кресло напротив, закинув ногу на ногу с видом человека, готовящегося к долгому и интересному разговору.

— Это что-то новое. Обычно ты говоришь: «Красивая пара, хороший бюджет, три месяца на подготовку, погнали».

— Обычно так и есть.

— А тут что изменилось?

Я покрутила стаканчик в руках, обдумывая ответ. Лена была не просто ассистенткой — за три года она стала единственным человеком в студии, с которым я позволяла себе быть чуть менее отполированной версией себя.

— Тут пара, которая не пытается впечатлить друг друга, — сказала я наконец. — Ты представляешь, сколько у нас было клиентов, где жених с невестой полгода планирования проводят, соревнуясь, кто сильнее любит другого через размер букета? А эти двое просто рады, что снова вместе. Никакого перформанса.

— Романтично, — сказала Лена без иронии, чем удивила меня.

— Ты правда веришь в это всё, да? — спросила я, не в первый раз за годы нашего знакомства.

— А ты правда не веришь? — Лена наклонила голову. — Марин, ты организовала, дай посчитаю, штук сто свадеб за карьеру. Из них сколько развелось?

— Статистику не веду, у меня нет доступа к чужим загсам.

— Но чувствуешь же, что не все обречены.

Я вздохнула и откинулась в кресле, глядя в потолок с открытыми балками — ещё одна причина, по которой я выбрала это помещение: высокие потолки давали иллюзию, что в комнате больше воздуха для сложных мыслей.

— Дело не в том, что все обречены, — сказала я. — Дело в том, что я слишком хорошо вижу механику. Понимаешь, я одеваю людей в фантазию про «навсегда» каждую субботу. Я знаю, сколько стоит эта фантазия, сколько часов работы флориста уходит на то, чтобы букет

выглядел «непринуждённо», сколько дублей нужно фотографу, чтобы получить кадр «неподготовленного» поцелуя. Я знаю цену каждой слезинки умиления на этой свадьбе — буквально, в рублях, по смете.

— И поэтому ты решила, что чувства ненастоящие?

— Я решила, что чувства — это одно, а брак — совсем другое, — уточнила я. — Чувства бывают настоящими. А потом наступает понедельник, ипотека, чей-то храп, разные представления о том, кто моет посуду, и через три года выясняется, что «навсегда» на самом деле означало «до тех пор, пока было легко».

Лена помолчала, глядя на меня с тем выражением, с которым смотрят на человека, чью историю знают лучше, чем он сам готов признать.

— Твои родители, — сказала она тихо. Не вопрос.

— Мои родители, — согласилась я. — Тридцать один год брака. Идеальная пара для соседского альбома. А потом, когда мне было двадцать четыре, папа ушёл к секретарше на пятнадцать лет младше, и оказалось, что все эти тридцать один год мама тихо ненавидела свою жизнь, просто хорошо это скрывала. Знаешь, что она мне сказала после развода? «Марин, я не была несчастна. Я просто забыла спросить себя, счастлива ли я».

Я произнесла это ровно, без драмы в голосе, тем тоном, которым обычно рассказывала клиентам про сроки поставки цветов, — и именно эта ровность выдавала, что рана давно зажила снаружи, но не до конца изнутри.

— Ты поэтому пошла в свадебный бизнес? — спросила Лена. — Чтобы доказать себе, что всё это фальшь?

— Я пошла в свадебный бизнес, потому что хорошо умею организовывать сложные мероприятия и у меня был диплом дизайнера интерьеров, который иначе некуда было применить, — ответила я сухо. — Мотивация появилась позже, как бонус. Оказалось, что я могу дать людям красивый день, не обманывая себя насчёт того, что будет после этого дня. Это честная сделка. Я не продаю им вечность. Я продаю им один хороший вечер.

— И тебе никогда не хотелось себе такого вечера?

Вопрос повис в воздухе на секунду дольше, чем должен был.

— Мне тридцать три года, Лен, — сказала я наконец. — Я была замужем. Три года, если хочешь знать статистику. Игорь был отличным человеком, мы прекрасно ладили, у нас была свадьба, которую я организовала себе сама, и, поверь, это была очень хорошая свадьба — я знаю все трюки. А потом через два года после свадьбы выяснилось, что мы прекрасно ладим ровно до тех пор, пока не приходится решать что-то реально важное, и развелись мы так же спокойно, как поженились. Никакой драмы. Просто два человека поняли, что были хорошими соседями по жизни, а не любовью всей жизни.

— Мне жаль, — сказала Лена.

— Не за что жалеть. Мы до сих пор общаемся на Новый год. Это, наверное, самый здоровый развод в истории человечества, — я позволила себе лёгкую усмешку. — Именно поэтому я и говорю: я верю в хорошие отношения. Я не верю в magic, которая держит их вечно. Держит работа. Совместимость. Готовность решать неудобные вопросы вместо того, чтобы ждать, пока чувство само всё разрулит.

Лена покачала головой, но не стала спорить — это тоже было частью нашего многолетнего ритуала: Лена верила в любовь романтически, я — прагматично, и мы обе научились уважать чужую позицию, не пытаясь друг друга переубедить.

— Ладно, — сказала Лена, поднимаясь с кресла. — Расскажи мне про заказ, раз уж ты так прониклась вопреки всем своим принципам.

Я открыла планшет и вывела на общий монитор заметки со встречи — список гостей, пожелания, фотографию Валентины Игоревны и Сергея Николаевича, которую та прислала сразу после встречи с подписью «на память, вдруг пригодится для настроя».

— Смотри, — сказала я, показывая фото. — Шестьдесят два гостя. Никакой пышности, тепло важнее эффектности. Ландыши в сентябре — это отдельная головная боль, которую я уже придумала, как решить. Пирог с яблоками как часть десертного стола. И заказчик — сын невесты, тридцать шесть лет, архитектор, крайне прагматичный человек, который платит за всё это, потому что хочет подарить маме день, полностью посвящённый ей.

— Заказчик симпатичный? — спросила Лена с той специфической интонацией, за которую я обычно закатывала глаза.

— Заказчик — клиент, — ответила я твёрдо. — Это первое правило после «за каждым чудом стоит счёт».

— Я не спрашивала, святая ли ты. Я спросила, симпатичный ли он.

— Лен.

— Ладно, ладно. — Лена подняла руки в жесте капитуляции, но по её лицу было видно, что тема закрыта временно, а не окончательно. — Когда первая встреча с поставщиками?

— На следующей неделе с флористом. Я хочу, чтобы Тамара взялась за ландыши — она единственная, кто рискнёт связываться с внесезонной доставкой без нервного срыва.

— Позвоню ей сегодня, согласую время.

Когда Лена вышла, я ещё некоторое время сидела, глядя на фотографию на экране — Валентина Игоревна смеётся, запрокинув голову, Сергей Николаевич смотрит на неё сбоку с тем же выражением, что и в кофейне.

Я подумала о матери — не о той версии, которая тридцать один год делала вид, что счастлива, а о той, какой она стала после развода: более настоящей, более резкой, чаще смеющейся, хоть и с оттенком горечи. Мама теперь говорила, что развод был лучшим, что с ней случилось, хотя и самым болезненным. «Я наконец начала жить свою жизнь, а не жизнь, которую от меня ожидали», — сказала она как-то, и эта фраза застряла у меня в голове настолько прочно, что стала своего рода личным манифестом.

Я закрыла ноутбук и посмотрела на рамку со своей первой свадьбой на стене. Двадцать гостей, скромный декор, невеста в простом платье без шлейфа. Я не помнила уже, развелась ли та пара — контакт потерялся много лет назад, — но помнила ощущение того дня: тёплое, настоящее, без единой фальшивой детали.

«Может быть, дело не в том, что я не верю в свадьбы, — подумала я, впервые формулируя это для себя настолько прямо. — Может быть, дело в том, что я давно не видела свадьбу, где не было бы ничего напоказ».

Я отогнала эту мысль так же решительно, как всегда отгоняла всё, что грозило пошатнуть удобную, проверенную временем систему взглядов, и открыла файл с планом закупок для следующего заказа.

Глава 4

Глава 4. Техническое задание

Второй визит Дмитрия в студию отличался от первого одной деталью: на этот раз он принёс с собой ноутбук, распечатанный список вопросов и — что удивило меня больше всего — термос с кофе на двоих.

— Не знал, какой кофе вы пьёте, — сказал он, ставя термос на стол вместе с двумя бумажными стаканчиками, — поэтому взял просто чёрный. Если не пьёте чёрный, извините, придётся страдать без кофеина следующие два часа.

— Чёрный подходит, — сказала я, отмечая про себя эту неожиданную заботливость, которая не вписывалась в моё представление о клиентах-архитекторах, привыкших мыслить чертежами и бюджетами. — Спасибо. Не обязательно было.

— Я планирую надолго вас занять сегодня вопросами, — ответил он, разворачивая ноутбук. — Показалось честным компенсировать это кофеином.

Я невольно улыбнулась и открыла собственный планшет с подготовленным чек-листом.

— Хорошо, тогда начнём с технического задания, — сказала я, переходя в рабочий режим, который включался у меня почти автоматически при виде списка вопросов. — Площадка. У меня есть три варианта в вашем бюджете, все — за городом, с возможностью и церемонии, и банкета в одном месте, что упростит логистику для гостей в возрасте.

Я развернула к нему планшет с фотографиями. Первый вариант — современный лофт с большими окнами, второй — классический ресторан с террасой, третий — старая усадьба, восстановленная под мероприятия, с садом и оранжереей.

Дмитрий рассматривал фотографии внимательно, задерживаясь на каждой на несколько секунд дольше, чем требовалось для поверхностного впечатления, — я отметила это как профессиональную деформацию архитектора, привыкшего оценивать пространство, а не картинку.

— Усадьба, — сказал он наконец, останавливаясь на третьем варианте. — У неё пропорции лучше. И оранжерея решает вопрос с погодой, если в сентябре пойдёт дождь.

— Согласна, — я кивнула, слегка удивлённая тем, что он пришёл к тому же выводу, что и я сама, ещё до встречи с ним отметившая усадьбу как оптимальный вариант. — Плюс сад даёт естественный фон для церемонии — не придётся тратить бюджет на декорации, которые всё равно не переиграют настоящую зелень.

— Вы всегда выбираете естественность вместо декораций? — спросил он, глядя на меня с интересом, который был скорее профессиональным любопытством, чем светской беседой.

— Не всегда. Иногда клиенту нужен эффект вау, и тогда я строю ему замок из ничего. Но с вашей мамой — да, естественность вместо декораций. Она сама сказала: тепло важнее эффектности. Моя работа — не навязывать клиенту своё видение красивого, а находить то, что подходит именно ему.

— Полезный подход, — заметил он. — В архитектуре многие коллеги делают наоборот — сначала придумывают эффектную форму, а потом ищут, для какого клиента она подойдёт. У меня наоборот: сначала слушаю, чего человек хочет от пространства, а форма появляется потом, как ответ на потребность.

— Значит, у нас с вами общий профессиональный принцип, — сказала я, делая пометку в списке площадок. — Бронирую усадьбу, если вы согласны. Называется «Липы», у меня хорошие отношения с владельцем, Виктором, он даёт скидку постоянным клиентам агентства.

— Согласен. Что дальше по списку?

Я пролистала чек-лист.

— Флорист, кондитер, фотограф, ведущий или тамада — хотя, зная вашу маму, я бы предложила максимально ненавязчивого ведущего, скорее модератора, чем шоумена. Далее — рассадка гостей, меню, музыка, план тайминга дня, и отдельный большой вопрос — платье вашей мамы, который я пока откладываю, потому что это территория более деликатная, чем логистика.

— Насчёт платья мама уже сказала, что хочет решать сама, без меня, — сказал Дмитрий. — Может быть, вы могли бы поехать с ней вместо меня? Мне кажется, ей нужен кто-то, кто скажет честно, идёт платье или нет, а я плохой судья в этом вопросе.

— Конечно, это часть моей работы, — сказала я. — Обычно я сопровождаю невест на примерки именно по этой причине — семья часто либо слишком мягкая, либо слишком критичная, а мне нужно быть объективной третьей стороной.

Я сделала пометку и подняла взгляд.

— Хорошо, тогда следующий пункт — музыка. Есть у вашей мамы или Сергея Николаевича любимая песня? Что-то, что должно прозвучать обязательно?

Дмитрий на мгновение задумался, и я заметила, как меняется его лицо в момент раздумья — исчезает деловая собранность, появляется что-то более мягкое, почти детское.

— Мама любит одну песню Пугачёвой, из семидесятых, — сказал он. — «Millions of Roses», русский вариант, конечно. Папа... — Он на секунду замолчал, и я увидела, как он взвешивает, продолжать ли фразу. — Папа танцевал с ней под неё на их годовщинах. Не знаю, будет ли это уместно на новой свадьбе.

Я отложила стилус, услышав в его голосе то же напряжение, что заметила при первом упоминании отца в кофейне.

— Расскажите про отца, если хотите, — сказала я осторожно. — Мне нужно понимать контекст, чтобы не наступить на минное поле случайно.

Дмитрий несколько секунд молчал, глядя в стаканчик с кофе, который так и не открыл.

— Отец умер восемь лет назад, — сказал он наконец. — Инфаркт, внезапно, за ужином. Мама тогда... — он сделал паузу, подбирая слова, — мама замкнулась на несколько лет. Не то чтобы она стала несчастной напоказ, но радость из неё как будто ушла. Я боялся, что так будет всегда.

— А потом появился Сергей Николаевич, — сказала я.

— А потом появился Сергей Николаевич, — подтвердил он. — И я увидел маму такой, какой не видел с моего детства. Понимаете, я хочу этой свадьбы не потому, что мне важен статус, женаты они официально или нет. Мне важно, чтобы она перестала чувствовать себя виноватой за то, что снова счастлива.

— Виноватой перед отцом? — уточнила я мягко.

— Виноватой передо мной, кажется, — сказал он, и в этот момент я увидела в нём не заказчика, а сына, который несёт эту тревогу дольше, чем готов признать. — Она несколько раз, когда сообщала мне про свадьбу, спрашивала, не расстроюсь ли я, не будет ли мне казаться, что она предаёт память отца. Как будто я до сих пор пятилетний ребёнок, которого нужно оберегать от собственных чувств матери.

Я отметила эту деталь не в рабочий чек-лист, а куда-то глубже — туда, где хранились вещи, важные для правильного проектирования дня, но не поддающиеся простой формуле «поставщик — цена — срок».

— Значит, песня Пугачёвой — вопрос сложный, — сказала я вслух. — Предлагаю вот что: спросим у вашей мамы напрямую, хочет ли она эту песню на новой свадьбе. Не решать за неё, не исключать автоматически из уважения к прошлому и не включать автоматически из той же логики. Просто спросить. Мне кажется, ваша мама достаточно сильный человек, чтобы самой определить, что для неё важно сохранить, а что — оставить в прошлом с теплом, без обязательства повторять.

Дмитрий посмотрел на меня внимательно — снова тем изучающим взглядом, который я уже отметила при первой встрече, только теперь в нём было больше чего-то похожего на облегчение.

— Вы хорошо умеете говорить о сложных вещах просто, — сказал он.

— Профессиональная деформация, — ответила я, чувствуя необходимость немного разбавить серьёзность момента. — Когда десять лет разруливаешь конфликты между будущими свекровьями и невестками из-за рассадки за столом, начинаешь ценить прямые вопросы больше, чем дипломатичные недомолвки.

Он усмехнулся — впервые за встречу по-настоящему, не сдержанной полуулыбкой, а искренне, и я с некоторым удивлением отметила, что мне нравится этот смех больше, чем следовало бы отмечать про клиента.

— Ладно, — сказал он, возвращаясь к ноутбуку. — Что там дальше по списку?

Следующие полтора часа прошли в деловом, но неожиданно лёгком темпе: мы обсудили примерное меню, договорились о встрече с флористом на следующей неделе, наметили дату для дегустации у кондитера и распределили зоны ответственности — я беру на себя всю логистику и координацию поставщиков, Дмитрий согласовывает бюджетные вопросы и любые решения, которые касаются лично мамы.

Когда все пункты чек-листа были закрыты, Дмитрий закрыл ноутбук и посмотрел на меня с выражением, которое я затруднилась бы описать одним словом — что-то среднее между удовлетворением от хорошо проделанной работы и любопытством.

— Можно личный вопрос? — спросил он.

— Можно, — сказала я, внутренне готовясь к чему угодно, от вопроса про скидки до вопроса про личную жизнь, который она умела мягко, но твёрдо отклонять.

— В первую встречу вы сказали, что не верите в любовь как в кино. Это правда, или это была профессиональная позиция для клиентов?

Я на секунду замешкалась — вопрос был прямее, чем я ожидала, но и честнее, чем обычные попытки клиентов флиртовать через личные темы.

— Это правда, — сказала я наконец. — Не в смысле, что я циничная мизантропка, которая ненавидит романтику. В смысле, что я слишком хорошо вижу механику этой индустрии, чтобы поверить в магию как в нечто, случающееся само по себе. Магия — это результат работы. Хорошей работы, но работы.

— А как же моя мама и Сергей Николаевич? — спросил он. — Это тоже работа?

Я задумалась над ответом дольше, чем обычно позволяла себе задумываться в разговоре с клиентом.

— Не знаю, — сказала я честно. — Возможно, это тот редкий случай, когда работа и не нужна. Но я пока предпочитаю думать, что просто ещё не увидела всю картину.

— Справедливо, — сказал он, поднимаясь. — Значит, у нас с вами обоих есть повод присмотреться внимательнее.

Он сказал это без явного подтекста — скорее как продолжение делового разговора о проекте, чем как намёк на что-то личное, — но я, провожая его до двери студии, поймала себя на том, что мысленно возвращается к этой фразе чаще, чем следовало бы для чисто рабочего замечания.